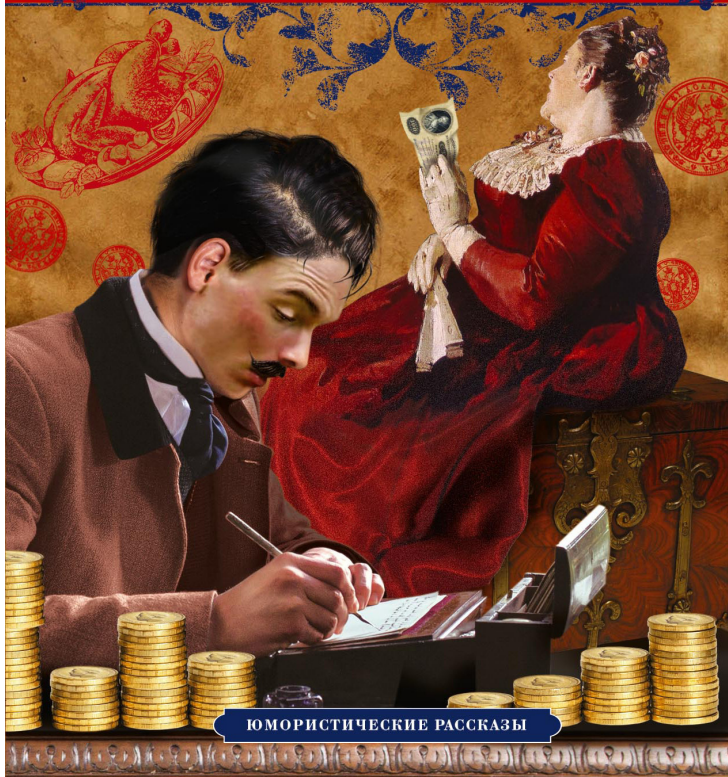

Д. Николай Дебрян

хлебный вопрос

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Николай Александрович Лейкин

Хлебный вопрос.

Юмористические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69436654

Хлебный вопрос. Юмористические рассказы: Центр по ли граф;

Москва; 2023

ISBN 978-5-227-10240-9

Аннотация

В этом сборнике юмористических рассказов Николай Александрович Лейкин касается как тем актуальных во все времена, так и характерных для конца XIX – начала XX века. Это финансовые трудности, постигшие героев по тем или иным причинам, и их старания справиться с тяжелыми жизненными обстоятельствами или просто обогатиться. Это проблемы с коммунальными услугами, работой прислуги и прочих наемных тружеников, интересно раскрывающие приметы времени. Цель персонажей большей части рассказов, в том числе и заглавного «Хлебного вопроса», – удачно жениться или выйти замуж, и к каким только ухищрениям люди не прибегают, чтобы достичь желаемого. Погрузиться в быт прошедшей эпохи и подивиться человеческой изобретательности и приглашает писатель-острослов.

Содержание

Хлебный вопрос

5

Конец ознакомительного фрагмента.

78

Николай Лейкин

Хлебный вопрос

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

Хлебный вопрос

I

Здравствуй, добрый друг Ипполит!

Письмо твое получил. Спасибо за него. Ты спрашиваешь, как мне живется. Плохо, Ипполитушка. От восьмисот с чем-то рублей, которые я получил от продажи вещей после смерти матери, разумеется, не осталось уже ни копейки. Определенного места я не имею. Занимаюсь за тридцать рублей по вечерам в агентстве иностранного общества «Сфинкс» – вот и все.

А на эти деньги куда трудно жить. При жизни матери у ней все-таки имелась месячная пенсия в двадцать восемь рублей, я жил при ней, имел даровую квартиру и тарелку шей, а теперь из тридцати рублей и за квартиру плати, и сыт будь, и одеться сумей. Пятьдесят восемь рублей на двоих куда больше, чем тридцать на одного, особенно если ими распоряжалась хозяйка. Да при ней я имел и еще кое-какие занятия: вел за пятнадцать рублей домовые книги у кума ее Огузкина, а теперь этот Огузкин сам их ведет. Живу на Песках, под Смольным, и плачу за каморку восемь рублей.

Что сапог одних истреплешь, шагая в агентство на Фон-

танку! Хорошо еще, что на первых порах, получа от родительских вещей восемьсот рублей, нашил себе много платья, а то ходил бы теперь отрепанный. Нет ли у вас в Рыбинске местишка в том агентстве, где ты служишь, хоть на те же тридцать рублей местишка? Сейчас бы бросил здешнее место и поехал туда. В провинции на тридцать рублей в месяц куда легче жить! Похлопochи, друг, и отпиши своему приятелю Глебу.

Ты спрашиваешь про Марфу Семеновну? Что Марфа Семеновна! Марфа Семеновна – дрянь. Я перестал к ней ходить. Кофейми поила, рябиновую настойку со мной распивала, галстуки мне шила, а как попросил у ней сто рублей – сейчас и расстаться пришлось. Да и то сказать: старуха. Ведь ей за сорок, а только красилась-то она исправно. Если со старухи нельзя ничего взять, то и черт с ней! Впрочем, в разное время по трешницам и пятеркам я у ней рублей семьдесят перебрал.

Ты, может быть, спросишь: нет ли у меня новой какой-нибудь Марфы? Никакой нет. Ищу и не нахожу и оттого-то, главным образом, и бедствую. Говорят, Питер не клином сошелся. Нет, должно быть, клином. Утюгов советует ходить в Государственный банк в отделение вкладов на хранение и там в дни получения процентов подыскивать себе вдову, пришедшую за процентами. Мысль, не лишенная остроумия. Вот разве ею воспользоваться?

Будь здоров. Пиши. О месте похлопochи.

Твой Глеб.

II

Милый друг Ипполит, здравствуй!

Пишу к тебе, не дождавшись твоего письма. Знаешь, я попробовал, воспользовался советом Утюгова побывать в Государственном банке и потолкаться среди капиталисток в отделении вкладов на хранение. Кажется, толк может выйти и вдовушку здесь можно заполучить не только для того, чтобы пользоваться от нее кофеем и галстуками, но даже для устройства своей судьбы на вечные времена путем законного брака. Надо только умно повести дело. Третьего дня я был в банке и толкался там часа три. Приятно, что никто тебя не спрашивает там, зачем ты пришел, что ты делаешь. Я бродил от стола к столу, подсаживался к пишущим заявления на выдачу процентов, сам писал эти заявления и нисколько не навлек на себя подозрения. Боже мой, сколько здесь вдов! Я не мог себе и представить, что в Петербурге может быть столько вдов-капиталисток! Как ни заглянешь через плечо в заявление – все вдова. Конечно, тут вдовы на разные суммы, начиная с трехсот рублей и до десятков тысяч, но все-таки вдовы. Так и блещет в заявлении: вдова коллежского советника такого-то... вдова потомственного почетного... вдова полковника... вдова купца... Только раз, заглядывая в заявление, я увидел подпись дочери генерал-майора и раз – жены

штабс-капитана. Вдовы и вдовы. Надо тебе, однако, сказать, что они на первый раз показались мне очень скрытными и неразговорчивыми. Уж я как заговаривал – «да» и «нет» – вот и ответ. Поднял одной уроненный на пол платок – мерси. Отыскал для одной чистый бланк для написания заявления, и она сообщила мне вначале, что приехала сюда со станции Чудова, чтобы получить проценты, а как стала писать цифру капитала – сейчас и прикрыла ее рукой. Я было начал о погоде в Чудове – молчит; я о прекрасном устройстве банка – молчит. Написала и пошла подавать чиновнику в окошко.

Но я добьюсь чего-нибудь. Главное приятно, что наверное знаешь, что сидишь среди капиталисток. Приятное учреждение, очень приятное. Сегодня был, а после завтра пойду еще. Надо только поналечь – и толк будет.

Пишу тебе потому, что вернулся домой в благодушном настроении духа. Хозяйка к обеду подала суп – ложкой ударь, так и то пузырь не вскочит, но я съел с аппетитом – вот что значит благодушное настроение.

Прощай. Будь здоров. О последующем уведомялю.
Твой *Глеб*.

III

Ипполит Иванович, здравствуй!

Пишу тебе опять в благодушном настроении духа. Хозяйка подала к обеду яичницу совсем из затхлых яиц, я съел и

облизнулся – вот что значит благодушное настроение духа! Сегодня был опять в банке. Вдовушка наклеивается. Да не одна вдовушка, а целых две разом. Одна получала проценты с четырнадцати тысяч облигаций Петербургского городского кредитного общества, другая – с тридцати двух тысяч процентных бумаг разных наименований.

Крупная постарше, мелкая помоложе. Крупная путалась, путалась при написании заявления, писала, ошибалась, перепортила четыре бланка, и кончилось тем, что я ей сам написал заявление. Разумеется, благодарности. Вдова надворного советника. Муж ее покойный служил в интендантстве. Это сама она мне сказала. Живет она в Большой Мастерской, дом № 179. Зовут ее Анна Ивановна. Фамилия только такая странная... Гореч... Я тоже отрекомендовался ей капиталистом и плакался на конверсии, что вот, мол, в силу конверсии я теперь получаю уж не по пяти процентов, а по четыре. Процентом она сегодня не получила, ибо к выдаче опоздала и должна прийти в банк завтра. Я, разумеется, тоже явлюсь. Проводил ее на улицу, посадил на извозчика, приструнил, чтоб тот вез лучше, и записал даже номер. Прощаясь, пожал ей ручку, и – можешь ты думать – она ответила крепким рукопожатием... Впрочем, у ней совсем уж не ручка, а рука и даже ручища. Ужасно громадная! Что ж, может, что-нибудь и выйдет.

Вторая вдова на четырнадцать тысяч. С этой тоже разговорился. Эта может назваться даже недурною собой, только

уж очень часто губы облизывает языком и немножко косит на левый глаз. Года – по дамскому счету – тридцать, а по настоящему – за сорок. Много пудры и брови накрашены. В трауре. Муж умер недавно. Рассказывала мне о его странной смерти: костью от леща будто бы подавился и умер. Зовут – Еликанида Ипатьевна. Во время разговора припахивало от нее мадерой. Фамилия – Иванова. Живет на Петербургской стороне в своем доме. Адрес записал. Эта получила проценты, получила и уехала. Эту на дрожки я не сажал, а увидеться с ней послезавтра увижусь, а то и завтра. Поеду прямо к ней. Предлог есть. Я у ней стащил перчатку с правой руки, когда она писала заявление, и спрятал. Отвезу эту перчатку ей и скажу, что нашел на полу около стола. Брюнетка... Вопрос хлебный. Буду разрабатывать.

Итак, две вдовы есть. Надо разрабатывать материал. Завтра примусь. О последующем сообщу. А теперь все. Прощай, Ипполит.

Твой *Глеб*.

IV

Здравствуй, друг Ипполит!

Хлебный вопрос, как я его называю, в банке продолжаю разрабатывать. Капиталистку в четырнадцать тысяч, у которой я стянул перчатку, оставил пока про запас. Можно и завтра, и послезавтра завезти ей перчатку, чтобы познакомить-

ся, но сегодня разрабатывал в банке крупную вдову-капиталистку, ту, которая вчера подала заявление на тридцать две тысячи рублей. В банк я явился – еще и одиннадцати часов утра не было. Пока я поджидал капиталистку в тридцать две тысячи рублей, наклюнулась мелкая вдова-капиталистка, всего в пять тысяч рублей. Эта оказалась даже безграмотной. Она сама подошла ко мне и просила ей написать заявление о выдаче процентов, и я ей написал. Дама она лет под тридцать, не больше. Краски на лице никакой. Полна, круглолица, не лишена некоторой миловидности и глупа, как пробка. Последнее обстоятельство, по-моему впрочем, составляет некоторое достоинство. Я говорю про данный случай, где ищешь вдову, чтобы от нее питаться. Пока я писал ей заявление, она сидела около меня и все время тараторила. В какие-нибудь пять-шесть минут она рассказала всю свою подноготную. Звание ее в высшей степени странное. Она вдова казенного слесаря первого разряда. Муж ее умер лет пять тому назад. Капитал он оставил ей в двенадцать тысяч, но, по ее уверению, семь тысяч разные лихие люди, по ее доброте, растащили. Это тоже, знаешь, мне может служить на руку. Доброта-то, то есть. Есть у нее дом на Малой Охте, около кладбища, где она и живет. Когда получила проценты, даже звала к себе. «На наше малоохтинское кладбище пойдете, – говорит, – к кому-нибудь на могилку, так вот и ко мне милости прошу на перепаху чайку попить». Какая милая женщина! Записал ее имя, отчество, фамилию

и адрес. Зовут ее Акулина Алексеевна. Жаль только, что зубы черные. Ну, да наплевать. Непременно поеду к ней, но покуда отлагаю ее в запас.

Теперь перехожу к капиталистке в тридцать две тысячи. Эта вдова явилась в банк только в первом часу дня. Она уж прямо подошла ко мне как к знакомому и спросила меня:

– Вы-то что здесь сегодня делаете?

– По второй квитанции проценты получал, – отвечал я.

– Отчего же вчера не получили по обеим сразу?

– Да дома забыл. По оплошности только одну вчера захватил.

– Полноте, полноте. Я знаю, зачем вы сюда сегодня приехали, – проговорила она, улыбаясь.

– А зачем? – спросил я.

– А затем, чтобы около меня потолкаться.

– Вы угадали, Анна Ивановна.

– Вот видите, даже и имя мое запомнили. Ох, мужчины, мужчины! Недаром в песне поется, что «мужчины на свете, как мухи, к нам льнут».

– Знаю-с, – подхватил я. – А дальше поется: «Имея в предмете, чтоб нас обмануть»... Но последнее совершенно не верно, по крайней мере, в отношении меня.

– Ох, знаю я! Знаю я вас! Все вы, мужчины, коварны.

– А вот попытайте меня. Я совсем не из числа коварных.

– Да как вас узнать-то? Сегодня в банке виделись, а завтра уж и аминь.

– Я могу приехать к вам, ежели вы позволите.

– Нет, нет, не делайте этого. Что за глупости! Впрочем, вы моего и адреса не знаете.

– Большая Мастерская, дом № 179.

– Уж узнали! Ну разве это не коварство с вашей стороны?

– Позвольте, Анна Ивановна, вы сами же вчера мне его сказали.

– Будто?

– Да как же... Когда я писал вам заявление о выдаче процентов. Ведь там адрес требовался.

– Ах да, да... А вы уж и запомнили. Ну разве это не коварство? Вы должны были забыть мой адрес. Фамилию-то помните ли?

– Как же не помнить! Гореч. Вашу фамилию трудно забыть.

– Нет, нет. Это просто из коварства с вашей стороны.

– Какое же тут коварство, Анна Ивановна?

– Знаю я, знаю вас, мужчин. Много я от вас, от мужчин, пострадала на своем веку, – проговорила она и, улыбнувшись во всю ширину своего рта, встала в хвост, чтобы представить билет на получение процентов.

Процентов она получила шестьсот рублей с чем-то. За этим я следил. Сложила деньги в трубочку, расстегнула сверху корсаж и сунула пачку за корсет. Тут я опять подошел к ней.

– Многоуважаемая Анна Ивановна, – сказал я, – очень

жаль было бы, если бы мое мимолетное знакомство с такой приятной женщиной, как вы, так и осталось бы мимолетным. Надеюсь, что вы позволите как-нибудь навестить вас на дому?

– Ах вы, коварный! Ну разве это не коварство? – проговорила она.

– В чем же?

– Ах, вы и сами знаете, в чем...

– Так позволите сделать вам визит?

– Ах, вы и без позволения сделаете! Я знаю мужчин. Мужчины – ужасные нахалы.

– Если вы не позволите явиться, я не явлюсь.

– Врете, врете вы! Позволяй я или не позволяй, вы все равно явитесь.

– Вы можете не принять меня к себе.

– А как вас не принять? Наша сестра добра и слаба.

– И не раскаетесь, Анна Ивановна, что примете. Вы знаете, что я не прощелыга какой-нибудь, а капиталист. Я с вами же вместе в банке получал проценты.

– Так-то оно так. Ну, приходите, приходите. Что уж с вами делать!

– Когда позволите? Послезавтра позволите?

– Нет, уж приходите лучше в воскресенье. Послезавтра мужу память, и я буду на Волковом кладбище панихиду служить. А в воскресенье приходите к кофейю, так часу в первом. В это время я кофей пью.

Мы распрощались. Я опять посадил ее на извозчика. Опять пожал ей руку, она проговорила мне «шалун» и уехала.

Пишу тебе нарочно, друг Ипполит, все подробно. Помому, со вдовой в тридцать две тысячи это уж начало победы. В воскресенье буду у ней и о результате сообщу.

Ах, хоть бы обедать-то иногда по-человечески, сладким куском!

Ну все. Будь здоров.

Твой *Глеб*.

V

Добрый друг Ипполитушка, здравствуй!

Взялся тебе описывать мою разработку вдов и продолжаю ее. Ты улыбаешься на слова «разработку вдов», но странного тут ничего нет. Ведь разрабатывают же каменноугольные копи, чтобы добывать из них доход, разрабатывают железные, серебряные и золотые рудники, а я разрабатываю вдов для той же цели.

Сегодня был у вдовы в четырнадцать тысяч, у Еликанды Ипатьевны Ивановой, и отвез ей ее перчатку. Живет в своем доме на Петербургской стороне. Долго искал, но наконец разыскал. Дом неважный, деревянный, квартира приличная, чистая, даже нарядная. Много канареек на окнах. Орут ужасно. Вся мебель покрыта белым вязаньем самой хо-

зьяйки. Около хозяйки два рычащих мопса и две закутанные кувалды-старухи: одна в черном платке, другая – в коричневом. Лики у старух суздальского письма, какие-то темные, с глубокими морщинами. Говорят шепотом. Сначала встретили меня две старухи, осмотрели с ног до головы, пригласили в гостиную, удерживали лающих мопсов. Наконец вышла сама хозяйка. Я к ней с перчаткой. Рассказал ей, что так и так.

– Ах, мерси... Какие вы, право, любезные! – начала она. – Но не стоило вам из-за старой перчатки в такую даль ездить. Зачем это вы? Напрасно, напрасно. Садитесь, пожалуйста. Тубо, Боб! Тубо, Муза! Чего это вы разворчались! – останавливала она собак. – Вы, мосье, курить не хотите ли? Вот папиросы. Садитесь, пожалуйста.

Я закурил папироску, начал расспрашивать ее о ее жите-бытье. Отвечает: «да» и «нет». Выкурил папироску и стал прощаться. Еще раз благодарность. Думал, что хоть чаю мне предложит – не тут-то было. А между тем, когда я проходил из прихожей в гостиную, видел, что в столовой на столе кипел самовар.

С чем приехал, с тем и уехал. Ах нет. В прихожей, когда я одевался, мопс хватил меня зубами за ногу и сделал дырку в штанах.

С первой вдовой плохо. Будем разрабатывать двух других вдов.

Прощай.

Твой друг *Глеб*.

VI

Здравствуй, добрый друг и милый приятель Ипполит Иванович!

Письмо твое получил. Спасибо за хлопоты насчет местешка в провинции, но покуда поудержись хлопотать. Кажется, надо мной начинает восходить звездочка близкого благополучия, а потому ехать служить в провинцию за тридцать рублей в месяц, как я просил, не расчет. Одна из вдов подается. Сейчас расскажу тебе, в каком положении находится у меня разработка этой вдовы.

Вчера был у тридцатидвухтысячной вдовы Анны Ивановны Гореч, в доме № 179 по Большой Мастерской улице, и она, то есть вдова, а не улица, оказалась куда больше, чем тридцатидвухтысячная вдова. Дом № 179 – ее собственный дом. Пришел я к Анне Ивановне около трех часов дня и попал к самому обеду. Отворила мне довольно милovidная горничная, и на меня накинулись уже не две собаки, а целых пять.

Тут были и мопсы, и болонки, и пес неизвестно какой породы. Хозяйка была дома, но в капоте, и, когда ей передали мою визитную карточку, тотчас же бросилась переодеваться. Я сидел в гостиной. Гостиная увешана портретами ее мужа в интендантской чиновничьей форме. Портреты местах в пяти и все в разных позах. Когда я рассматривал эти портре-

ты, псы сидели под мягкими стульями и креслами в чехлах и из-под чехлов, как из-под занавесок, рычали и лаяли на меня. Кроме псов у ней есть еще два любимца – два попугая в клетках: серый и белый. Серый с одного твердит: «Иван Семеныч», «Здравствуй, Иван Семеныч», «Иван Семеныч пришел». Иван Семеныч, как оказалось, – покойный муж хозяйки, тот самый интендант, который изображен на портретах.

Наконец показалась хозяйка. Показалась она во всеоружии розовой пудры, губной помады и черной краски для бровей. Одета она была в светло-серое шерстяное платье с такими неимоверно высокими буффами, что они были выше ее ушей, тоже выкрашенных в розовую краску и украшенных такими крупными бриллиантами, что завладей я только одной серьгой, то прожил бы в полном благосостоянии куда больше года. Не думаю, чтобы эти бриллианты были поддельными.

– Ну, не нахальный вы разве мужчина? – проговорила она, улыбаясь выкрашенными губами и глазами. – Ах, мужчины, мужчины! Все-то вы на один покрой.

– Нахальный, нахальный, – отвечал я, – но что же делать, если мне хотелось, чтоб знакомство мое с вами не было мимолетным.

– Что же, разве я вам так понравилась? – спросила она.

– Вы были любезны, обходительны, доверчивы, а главное – просты со мной, а я ценю таких дам, – отвечал я.

– Ну, садитесь, коли так...

Я сел. «Р-р-р-р... – слышалось под стулом. – Гам-гам».

– Бижу... Амишка... Что вы! Это гость... – останавливала хозяйка собак и прибавила, обращаясь ко мне: – Вот это мои искренние, бескорыстные друзья.

– Позвольте и мне быть таким же, – поклонился я.

– Как? Вы хотите быть собакой? Вот это мило.

– Нет-с, я прошу позволить мне быть вашим другом.

– Так скоро? Нет, вы прежде заслужите.

– Если позволите продолжать знакомство, то увидите и мои заслуги.

– Да уж что ж с вами делать, ежели вы влезли в дом! А только никогда человек не может быть таким искренним и бескорыстным другом, как собака. Бижу! Поди сюда. Вот мой друг... – проговорила она, когда болонка вскочила к ней на колени.

Я хотел погладить собаку. «Р-р-р-р...» – зарычала она на меня.

– Не надо, Бижу, сердиться, не надо, – продолжала хозяйка. – Это наш гость. Он хоть и интриган, хоть и подводит тонкую интригу под твою хозяйку, но все-таки он гость. Гладьте, гладьте его. Теперь он не тронет вас. Он добрый, а рычит просто из боязни, что вы ему что-нибудь сделаете. Гладьте, гладьте его. Он не тронет.

Я погладил.

– А вот это его супруга Амишка, – отрекомендовала мне хозяйка и подняла еще одну собаку к себе на колени. – Гладь-

те, гладьте... Она не тронет.

«Р-р-р-р», – послышалось опять. На этот раз рычали уже две собаки.

Следовало продолжение рекомендации собак. Представлялись мопсы. Один мопс звался Карпуша, а другой – Луша. Пятый пес неизвестно какой породы носил название Фельдфебель. Все они рычали на меня. При представлении Фельдфебеля хозяйка сказала:

– Это покойный муж так называл его. Вы знаете, этой собаке двенадцать лет. Вот в следующий раз, когда вы придете, то захватите с собой им по кусочку сахара, и тогда они вас знать будут.

– Стало быть, вы мне позволяете продолжать с вами знакомство? – встрепенулся я.

– Да уж Бог с вами, ходите! Но главное, чтобы не было коварных интриг с вашей стороны.

– Какие же могут быть интриги?

– Ах, оставьте, пожалуйста! Знаю я вас, мужчин! Все вы на один покрой. Слава богу, я уж не молоденькая, видала уж виды-то! Мужчины коварны, а мы, женщины, слабы – вот и выходит тут разное... эдакое... Ну, чем вас потчевать? Вы курите? Пожалуйста, курите. Я сама курю.

Она вытащила из кармана ореховый портсигар и предложила мне папироску. Мы закурили.

– Так чем же потчевать-то вас прикажете? Чаю? Кофею? – продолжала она. – Или, может быть, запросто, без затей по-

обедаете со мной? У меня обед готов. Я всегда в три часа обедаю.

– Если позволите, то с удовольствием, – поклонился я.

– Да уж что с вами делать! Пришли в дом, так надо вас и угощать. Я женщина простая, радушная, но боюсь только коварства со стороны мужчин.

И я обедал у Анны Ивановны Гореч. К обеду подавали суп с вермишелью, рыбу жареную в сметане и рябчиков. На сладкое был кисель миндальный. За столом сидели только хозяйка, я и псы. На одном стуле по правую сторону хозяйки сидела чета мопсов, а по левую, тоже на стуле, чета болонок. Фельдфебель, как пес крупный, ходил под столом и клал мокрую морду ко мне на брюки. К обеду была подана водка и мадера. Хозяйка сказала:

– Не осудите, и сами не осуждены будете, – налила две рюмки водки и сама со мной выпила. Водка оказалась настоящим на каких-то травах.

Хозяйка объяснила:

– Мне нельзя не пить. Я только вот этим настоем и спасаюсь. У меня был страшный ревматизм в плече и боку, но я вот этим настоем выпользовалась. А теперь уж пью для того, чтобы ревматизм не вернулся. Так мне доктор приказал. То есть он не доктор, а часовых дел мастер, но все равно я его считаю за доктора, потому что он меня вылечил.

Мадеры она выпила также рюмки три с удовольствием.

После обеда был подан кофей и к нему коньяк, но хозяйка

выпила коньяку гольем «рюмочку», а кофе пила со сливками. Потом начала позевывать.

– Сколько у вас капитала-то в банке лежит? – спросила она меня.

– Пустяк. Я человек небогатый, – отвечал я. – Это у меня маленькое наследство от матери.

– С капиталом-то большим хуже. А пуще всего с домом беда. Вот у меня этот дом. Жильцы норовят не платить. Вот нынче осенью один выехал, не заплатив двести рублей. Подала ко взысканию, да что с него взять? Нигде не служит, а мебель принадлежит жене его. Беда! – сказала она и зевнула.

Я стал прощаться.

– Приходите опять, коли уж навязались на знакомство, – сказала она.

– С восторгом, – отвечал я. – Вы такая милая, простая...

– А вы нахальный мужчина. Ну, да все равно. В следующий раз придете, так не забудьте по куску сахару захватить моим собачкам. Они вас любить тогда будут.

Я ушел и вот, сидя у себя, пишу тебе это письмо и сообщаю о моем первом успехе у вдовы интенданта. По-моему, это успех. А теперь пойдем дальше.

Твой *Глеб*.

VII

Здравствуй, Ипполит Иванович.

Получил твое письмо, из которого вижу, что ты крепко заинтересовался моей разработкой вдов, а потому буду удовлетворять твоему любопытству. Относительно места в провинцию на сорок рублей в месяц – спасибо. Нет, не пойду я на сорок рублей. Все говорит, что я со временем могу получить здесь куда больше. Обстоятельства изменились благодаря Утюгову, натолкнувшему меня на вдов. Какой это гениальный человек! Жаль, что самому ему нельзя воспользоваться этой идеей по старости лет. Стар и связан семьей.

У Анны Ивановны Гореч был вчера и сегодня и завтракал. О, батюшка, это крупная капиталистка! Оказывается, что ее большой каменный дом заложен в кредитном обществе в самых пустяках. Вчера об этом разговор был. Показывала она мне и планы дома. Хочет по весне строить у себя на дворе каменные каретные сараи, конюшни, кучерскую и прачечную. Все это у ней теперь деревянное и очень ветхое, так что отремонтировать уже не стоит, и придется сломать. Просила она меня поискать ей недорогого архитектора для постройки. Я говорю: и архитектор недорогой есть, и искать нечего, и уж сегодня утром притащил ей старика-архитектора Линде из нашего страхового агентства. С ним мы сегодня и завтракали у Анны Ивановны. Завтракали с часу дня до четырех часов. Были и пельмени, была и осетрина с хреном, была яичница с ветчиной, и соленые закуски. Выпито было много. Линде я предупредил, чтоб он не выдавал меня, что у меня нет денег в банке на хранении. Выпито было столько, что я на вечер-

ние свои занятия в агентство не попал. Теперь сижу у себя дома, отпиваюсь чаем и пишу это письмо. Деньгами покуда от нее не пользовался ни копейкой. Держу себя на гордой ноге. Так лучше.

Ужасно, как мне хочется спать, Ипполит Иванович. Еле пишу. Прощай. До следующего письма.

Твой *Глеб*.

VIII

Доброму другу Ипполиту Ивановичу поклон!

И сегодня пишу тебе после завтрака у Анны Ивановны, на котором я был вместе с архитектором Линде. Сегодня он представил Анне Ивановне план и смету. Она заплатила ему пятьдесят рублей, а мне за хлопоты подарила серебряный портсигарчик. Это первая моя добыча при разработке этой вдовы, если не считать завтраков и обедов. А уж как кормит! Восторг. Сегодня, например, был пирог с вязигой и сигом – такой пирог, что язык проглотишь. Потом бараньи котлеты. Она и сама любит поесть.

Портсигар (рублей в двадцать, не дороже) – моя первая добыча, а место управляющего домом будет вторая добыча. Анна Ивановна хочет меня сделать управляющим своего дома. Я признался ей, что у меня хоть и есть ничтожный капиталец в банке, но он настолько ничтожен, что даже вместе с моим жалованьем в агентстве заставляяет меня иногда

нуждаться. Итак, через месяц я буду управляющим. Я потому говорю «через месяц», что у Анны Ивановны есть теперь управляющий, но он семейный человек, и она деликатится отказать ему от места сразу и дала месячный срок. Буду я иметь готовую квартиру за свое управление домом, квартиру из трех комнат и жалованья двадцать рублей. Трогательно поблагодарил я ее за обещание, поцеловал у ней руку, а она поцеловала меня в голову. Подумал я, подумал после этого, обхватил ее в охапку и вlepил ей безешку в щеку. Раскраснелась, ударила меня кулаком по плечу, назвала нахалом, но все-таки пригласила завтра к себе обедать.

Чувствую, что дело пойдет на лад.

Ах да... Ежели будешь писать мне, то уж пиши мне по новому адресу. Пока мне квартира управляющего очистится, я все-таки переехал с Песков поближе к Анне Ивановне. Живу я в той же Большой Мастерской, дом № 132, квартира 7. Так лучше будет.

Ну, покуда все! Будь здоров.

Твой *Глеб*.

IX

Здравствуй, милый и добрый друг Ипполит Иванович!

Сообщаю тебе опять об Анне Ивановне. Теперь у меня только и интересов, что разработка этой почтенной вдовушки. Бываю у ней каждый день. Или обедаю, или завтракаю.

Дворники ее отвешивают мне низкие поклоны, а старший дворник уже называет меня «сам», хотя даю тебе слово, что я далеко еще не «сам». Вдова поддается, но нелегко. Она все еще помнит своего мужа и чтит его память. Она очень благодарна ему за все то, что он сделал для нее. А сделал он многое. Сегодня я был с ней на Волковом кладбище на могиле ее мужа, и она тут же, на кладбище, слегка приподняла завесу ее прошлого. Он был старик, она жила у него горничной. Затем превратил он ее в экономку, а потом в хозяйку. Жили они так лет десять, и наконец он повенчался с ней, чтобы закрепить за ней свой пенсион. Повенчался, сделал духовное завещание в пользу ее, и не прошло и трех лет, как умер. Весь капитал и дом перешел к ней. Вдовствует она уже около семи лет. Капитал не только не растратила, но приумножила даже, стало быть, такие сорванцы, как я, на нее не налетали, а ежели ж налетали, то она, значит, баба-кремень. Впрочем, в спальней у ней висит на стене фотография одного усача в бобровой шапке и шубе. Мужчина, что называется, из жгучих. На мой вопрос, кто это такой, она ответила мне со вздохом:

– Ах, это один подлец! Портрет его давно бы надо выкинуть, но наша сестра глупа и слаба.

Рассказывала она мне еще про какого-то драгуна, который занял у ней тысячу рублей и вот уже три года, как глаз не кажет. Но ведь тысяча рублей – это такие пустяки.

После кладбища обедал у нее. Подарила она мне канаусо-

вую рубаху красную с вышитой белым шелком грудью. Добыча плохая, но все-таки...

Вот все покуда... Будь здоров.

Твой друг *Глеб*.

Х

Милый, добрый и дорогой друг Ипполит Иванович, здравствуй!

Дело обработки Анны Ивановны у меня хоть и медленно подвигается, но все-таки подвигается. Сегодня после завтрака я ее стал благодарить за хлеб-за соль, обнял и, по обыкновению, насильно хотел чмокнуть ее в щеку, но она подставила мне губы, сама меня поцеловала и назвала уж не нахалом, как обыкновенно, а шалуном. Потом пошла к себе в спальную, вынесла оттуда тридцать рублей и, подавая их мне, проговорила:

– Вот ваше жалованье управляющего! Все-таки ведь я вас на службу-то уж пригласила.

Пригласила на двадцать пять рублей в месяц, а дала тридцать. Добрая душа!

На эти деньги сделаю себе синенький костюмчик. Мне как блондину синий цвет к лицу.

Управляющий ее переезжает через две недели, стало быть, через две недели я могу въехать в квартиру из трех комнат. Но откуда я возьму мебели на эту квартиру? У меня

только диван-кровать, стол и три стула. Даже шкафа для платья нет. Умывальника тоже нет. Умываюсь в кухне у хозяйки под водопроводным краном. Самовара нет, посуды нет.

Забыл совсем о третьей вдове, об Акулине Алексеевне с Малой Охты. Эта звала к себе сама даже. Надо ее навестить. Может быть, тоже подходящая вдова. Ведь и две вдовы зарабатывать не мешает. Может быть, и эта годится. Побываю у ней в воскресенье.

А покуда все. Жму тебе руку, Ипполит. Будь здоров.
Твой верный друг *Глеб*.

XI

Ипполит Иванович, здравствуй.

Крепко жму твою руку и сообщаю кое-что о разработке вдов. Ведь у кого что болит, тот о том и говорит.

Сегодня, воспользовавшись воскресеньем, отправился на Малую Охту ко второй вдове, к Акулине Алексеевне. То есть, в сущности, это третья вдова, если считать Еликаниду с Петербургской стороны, но ведь Еликанида, ежели ты помнишь, никакой разработке не поддалась. Малоохтинскую же вдову можно очень и очень разработать и пользоваться от нее хотя и небольшой, но все-таки такой добычей, которая может служить подспорьем при добыче с Анны Ивановны. Она небогата, капиталец у ней в банке маленький, домик «крошечка в три окошечка» (на самом деле в пять окон, а

это я только для рифмы), но она таровата, что ясно уже выразилось при моем даже первом сегодняшнем посещении.

Но расскажу все по порядку.

Сначала я отправился на малоохтинское кладбище. Думаю: ведь и там есть вдовы, которые пришли на могилы своих мужей, так отчего же мне не заглянуть и туда, ежели уж я взялся за разработку вдов! Вдов действительно было много, но вот беда – трудно узнать о их состоятельности. Как здесь, на кладбище, узнаешь, которая с капиталом, которая без капитала? По богатым и бедным памятникам, около которых она остановилась? Но, основывая свои суждения по памятникам, можно легко обмануться. Это далеко не банк, где воочию видишь на бланке сумму их капитала, который положен на хранение. Одну, впрочем, в черном бархатном пальто, вздыхавшую около белого мраморного памятника, я начал преследовать, два раза пробовал заговорить, но безуспешно. Вдова вышла за ограду кладбища, села в собственный экипаж, улыбнулась мне на прощание и уехала. По-настоящему, надо бы догонять ее, преследовать дальше, ибо улыбка ее уже показала, что она стала слегка поддаваться, но где же успеть за ее собственным рысаком извозчицкой кляче! Кладбище, впрочем, буду иметь в виду для разработки вдов.

Но я опять отклонился от Акулины Алексеевны.

Акулину Алексеевну застал дома. У ней была кума в гостях. Такая же, как и она, гладкая и чернозубая. Обрадова-

лась мне Акулина Алексеевна так, что чуть на шею не бросилась ко мне, когда я вошел, и закричала:

– Кумушка! А кумушка! Вот, – говорит, – тот самый деликатный кавалер, который написал мне, неграмотной вдове, прошение в банке, чтоб получить проценты. Позвольте вас познакомиться.

Хотела назвать мое имя, отчество и фамилию и не могла, потому что не знает. Я сказал ей, и началось знакомство. Тотчас же появился большой пирог с ливером и сердцем, появилась бутылка домашней вишневой наливки. Выпили, закусили.

И как же пьют почтенная вдова слесаря первого разряда и ее кумушка! Выпили мы две бутылки наливки. У меня уж совсем в голове зашумело, а они были, как говорится, ни в одном глазе. Почему-то втемяшилось ей, что я адвокат, и стала она предлагать мне сделать взыскание с родственников ее мужа по имеющимся у ней вексялям. Потом пристала ко мне – купи у нее енотовую шубу ее мужа. Я говорю:

– Денег нет.

А она мне:

– В рассрочку, ежемесячно продам.

И навязала она мне прекрасную енотовую шубу за шестьдесят рублей, а шуба куда больше ста рублей стоит. Чтобы разыграть джентльмена, дал ей десять рублей в уплату, но уж больше не дам.

И вот я теперь с хорошей енотовой шубой. Шуба как на

меня шита, и даже переделывать ее мне не надо. С шубой и с двумя домами, где можно отлично покормиться. Куму ее провожал. Тоже вдова. Живет под Смольным и имеет паркетную фабрику после мужа. Звала к себе, и не премину быть у ней. Отчего не побывать? Вдова – вещь хорошая. От одной шубой попользуешься, от другой – шапкой...

Ты спрашиваешь про Игнашу Финикова? До Финикова ли мне теперь! Не бываю я у него и, благоденствует ли он или бедствует, – ничего не знаю. Я теперь у вдов.

Анна Ивановна здорова. С ней покуда без перемен. Рассказывал ей как-то о тебе, как о добром друге. Велела тебе поклониться от нее, хотя вы и не знакомы. Из поклона ее ты себе шубы не сошьешь, но все-таки исполняю ее желание.

А затем прощай. Крепко жму твою руку.

Твой *Глеб*.

XII

Друже Ипполите, здравствуй!

Прежде всего сообщаю тебе мой новый адрес. Я переехал в дом Анны Ивановны по Большой Мастерской, № 179. Со вчерашнего дня я уж управляю домом и получаю деньги с жильцов. Сегодня получил за две квартиры: 60 и 25 рублей. Пишу: по доверенности вдовы надворного советника Гореч. Вчера она выдала мне форменную доверенность на управление домом.

Ах, что за добрая и за предупредительная эта женщина! Третьего дня пришла она ко мне в квартиру посмотреть, как я устроился, и когда увидела, что комнаты мои пусты и только одна занята кроватью, диваном и тремя стульями, то покачала головой и сказала:

– Ах, ведь вы холостяк и все по меблированным комнатам жили, а я-то дура...

Дальше она не договорила, позвала меня к себе чай пить, а сегодня утром дворники ее внесли ко мне в квартиру письменный стол, очень недурную мягкую мебель для гостиной, шкаф для платья и простеночное зеркало.

Удивился я. Спрашиваю: что это такое, откуда?.. Отвечают:

– Анна Ивановна прислала. Это у них мебель от сестрицы ихней по наследству... Она у нас на чердаке стояла.

И вот теперь я в прилично меблированной квартире о трех комнатах. Жаль, что только занавесок на окнах нет и штор. Ну, да это-то я как-нибудь и на свои деньги куплю.

Нет, каково благородство! Прелестная женщина. Жаль только, что красится она очень и рот у ней велик. Рот велик, но зато глаза... Глаза у ней до сих пор еще прекрасные, блестящие такие, и не понимаю я, зачем она их подводит! Впрочем, теперь уж я и ко рту ее привык, и вовсе не кажется он мне очень большим.

Ходил благодарить ее.

– Пришлю, – говорит, – еще ковер вам и пару ламп для

квартиры.

А у меня ведь ничего... Вчера купил пару подсвечников за рубль, а третьего дня вечером так, вернувшись от нее, сидел у себя дома со свечкой, вставленной в пивную бутылку.

Покуда все. Будь здоров.

Твой *Глеб*.

ХІІІ

Здравствуй, дружище Ипполит!

Спешу тебе сообщить, что ни при матери и даже ни при отце с матерью – никогда я так хорошо не жил, как теперь живу. Привалило мне счастье. Катаюсь, как сыр в масле. Квартира, отопление, освещение, стол – все мне идет от Анны Ивановны. Ни о чем не надо заботиться, и, кроме того, получай тридцать рублей в месяц жалованья за управление домом и тридцать из агентства. На днях справлял новоселье. Был Утюгов, был Фиников, Огрызков был и Анна Ивановна. Ты спросишь, может быть, как я угощал моих гостей, если у меня посуды нет? Все, все прислала добрая душа Анна Ивановна, даже угощение прислала в виде заливного судака, куска жареной телятины и индейки, и, когда я на другой день стал отправлять к ней с дворником эту посуду обратно, она сказала ему:

– Пусть эта посуда у Глеба Иваныча так и останется, я ему с посудой квартиру давать обещала.

И вот теперь у меня и посуда, и самовар, и поднос, и сахарница. Все, все, все... Даже шторы и занавески явились на окнах – и это все от нее. Прислуживает мне дворник, к которому в дворницкую сделана говорильная труба. На большую ногу я теперь, Ипполитушка, живу. Дай бог тебе так когда-нибудь устроиться. Вот что значит вдовы, вот что значит разработка их!

Гости у меня просидели до часу ночи, выпили изрядно, горланили «Стрелочка», «Вниз по матушке по Волге», «Вечную память» Анны Ивановнину мужу-покойнику, «Многая лета» ей и мне. Она и сама подпевала. Все шло хорошо, но Фиников полез к Анне Ивановне целоваться, и я его выгнал как нахала.

А затем все. Желаю тебе всего хорошего.

Твой *Глеб*.

XIV

Дорогой Ипполит Иванович, здравствуй!

Давно не писал тебе писем, да и от тебя давно не получал. Что это значит, что ты не пишешь? Не ответил и на мое последнее письмо. Я не писал потому, что занят очень – днем управлением домом, вечером в агентстве. Кроме того, у Анны Ивановны имеется дача в Лесном – четыре домика, – и она поручила мне произвести в этих домиках кой-какой ремонт к весне. Я занят днем и вечером и оттого не писал, ну

а ты-то с чего не пишешь? Ты по вечерам всегда свободен. Кроме того, боюсь я тебе надоест в письмах вдовами. Ведь у меня только и интересов теперь, что вдовы. Вот и сейчас... Не о чем другом сообщать, как об Анне Ивановне.

Вчера я и она ездили на дачу, выбрали себе один из домиков для жилья на лето, а остальные три будем сдавать дачникам. На один из них уже был съемщик – какой-то вдовый отставной капитан с тремя ребяташками. Анна Ивановна хотела ему эту дачу сдать, но я не позволил. Вообще не надо допускать к ней ни вдовых, ни холостых. Зачем создавать себе конкуренцию! К тому же этот капитан – совсем еще не старый мужчина средних лет. Так и не сдал. Найдутся и с женами жильцы. Дачку, которую мы выбрали для себя, буду ремонтировать потщательнее. Она с мезонином. Я буду жить в мезонине, а Анна Ивановна внизу.

Представь себе, а ведь я векселя-то у малоохтинской вдовы Акулины Алексеевны взял и теперь взыскиваю с ее родственников деньги. Акулина Алексеевна дала мне форменную доверенность на ведение дела. Векселя, впрочем, пустячные: один в триста рублей, другой – в триста пятьдесят и третий – в пятьсот. По одному из них, в триста пятьдесят рублей, я, кажется, кончу завтра миром. Это вексель ее деверя, то есть брата ее покойного мужа. Он гробовщик, правда, не из важных, и дает мне за вексель двести пятьдесят рублей. Векселя мне вдова отдала без всякой расписки от меня – вот какое, братец, мне доверие от вдовы! Хочу – отдам ей

полученные деньги, хочу – не отдам. А помнишь, товарищи и десятку красненькую, бывало, опасались верить! Но я все-таки отдам ей, что следует. Мы условились, что три четверти из полученного по векселям ей, а четверть мне, но у меня уже есть кое-какие расходишки по взысканию, а потому я ей отдам половину. Зачем обижать вдову? Я честный человек.

Был я и у кумы этой самой Акулины Алексеевны, у той вдовы-паркетчицы, о которой я тебе писал, что встретил ее у Акулины Алексеевны, когда мы ели пирог с сердцем и пили наливку. Вдова она детная – двое детей у ней, паркетная фабрика хорошая, сама она принимает заказы. Встретила с расprostертыми объятиями. Сейчас закуска, водка, самовар, чай с коньяком... Ну, и сама со мной вместе клюкнула изрядно. Сын у ней – мальчик лет одиннадцати и ходит в гимназию, дочка поменьше. Зовут вдову Прасковья Федоровна. И можешь ты думать, когда взглядишься в нее, даже недурна собой. Только зубы черные. Я уже писал тебе шутя: «С одной вдовы шубу, с другой – шапку» – и словно напророчил. Шапки я от нее не получил, но принес домой преоригинальные старинные столовые часы с репетицией. Я увидел их, когда уходил от нее. Часы мне очень понравились. А она мне говорит:

– Не хотите ли купить? Муж мой покойный их за долг взял, а мне они не нужны.

Я посулил ей красненькую, а она и отдала. Часы на худой конец рублей семьдесят пять стоят. Привез их домой и сей-

час же подарил Анне Ивановне.

– Вот, – говорю, – в рынке у старьевщика купил. Пусть они у вас будут от меня на память.

И знаешь, на Анну Ивановну этот подарок так подействовал, что она даже прослезилась от умиления и крепко-крепко поцеловала меня.

Хорошая эта вдовушка Прасковья Федоровна! Когда я от нее уходил, то проводила меня даже вниз по лестнице, на двор и все упрашивала, чтобы я ее не забывал и приходил почаще. Зачем я ее буду забывать! На будущей неделе пойду к ней. Кстати, и нужно мне ее повидать. Я забыл ей отдать десять рублей за часы.

Вот и все. Видишь, у меня никаких других интересов нет, кроме вдов.

Финикова прогнал окончательно и сказал, чтобы он не смел больше ко мне и показываться. Так вольно разговаривает с Анной Ивановной, что из рук вон! А она, дура, и рада, развеса уши, слушает.

Ну, будь здоров.

Твой *Глеб*.

XV

Здравствуй, любезный Ипполит Иванович!

Наконец-то я получил твое письмо! Из него, однако, я вижу, что ты оттого так долго мне не писал, что вообще недово-

лен моим поведением и считаешь меня вроде какого-то под-
леца. Письмо наполнено нотациями, проповедью. Со внима-
нием прочитал я эту твою проповедь и нотации и нашел, что
ко мне ты их напрасно адресуешь. Не может все это ко мне
относиться. Отвечаю на твое длинное послание вкратце. Ни-
когда я не был содержанкой в пиджаке и никогда не буду.
Содержанкой в пиджаке может назваться тот, кто, ничего не
делая, получает от женщин все блага земные, а я – я полу-
чаю от Анны Ивановны определенное жалованье, квартиру
с мебелью и стол за то, что состою управляющим ее дома и
дачи. Ведь до меня же был у ней управляющий старичок Ко-
выркин. Если же Анна Ивановна иногда делает мне кое-ка-
кие ничтожные подарки, то ведь служащим тоже очень часто
делают подарки, когда они с особенным рвением относятся
к делу. Что же касается до наших интимных отношений, то
смотри на это как на гражданский брак.

От Акулины Алексеевны я также получил кое-какие гро-
ши за труды, а не за что-либо другое. Я взыскал по двум век-
селям деньги и получил что-то около трехсот рублей. Взыс-
кивать есть труд. Я бегал за должниками ее и ловил их, тре-
пал сапоги.

От Прасковьи Федоровны я попользовался только часами,
но и то уплачу ей за них десять рублей, так что же тут такого
неблагодарного? Что я пью и ем у вдов моих – так ведь они
мои знакомые. И ты, я думаю, у твоих знакомых пользуешься
угощением.

Ты пишешь мне про какие-то идеи. Э, милый мой Ипполит Иванович! Какие теперь идеи! Где они? Никаких теперь ни у кого идей нет, а ищут все, чтобы хорошенько пожить. Борьба за существование – вот одна нынешняя идея, и больше никакой. Не такой век нынче. Молодежь... Что такое молодежь! Нет нынче молодежи. Да и себя я теперь уж не считаю за молодежь... Да ежели бы и считал, то и нынешняя молодежь таких же мыслей, как и я. Есть десяток-другой полумудрых мечтателей и проповедников какой-то идеальной честности – вот и все. И сидят они голодом. А я хочу жить. Я имею право жить, искал себе хорошего житья и нашел. Опять-таки нашел его, повторяю, за свой труд, за свою работу, а ты посмотри на других-то из нынешней молодежи: добрая треть около старух и живут от них уже без всякого труда. Кто при более богатой женщине, кто при менее богатой, кто крупный кусок с бабы рвет, кто мелкий, кто при купчихе, кто при генеральше, а кто так просто при чьей-нибудь экономке, чтобы слаще кормила.

Не время, милый мой, так рассуждать теперь, совсем не время, не те мысли теперь у всех, не те воззрения. Все переменялось. Я не скажу, чтобы это было хорошо, но что делать, общее течение. А нам зачем же плыть против течения? Никого не удивишь.

Надеюсь, что все это мое письмо прочтешь ты внимательно, прозришь, переменишь обо мне свое мнение и останешься таким же моим другом, как был раньше.

Жду от тебя письма.

Твой *Глеб*.

XVI

Любезный Ипполит Иванович, здравствуй!

Получил твое письмо. Вижу, что ты по-прежнему мной недоволен, хотя и пишешь ко мне. Прочел опять твои нотации. Больно, обидно мне их читать, но все-таки прочел их и попробую оправдаться, хотя теперь уже и вижу, что трудно тебя в ступе утолочь. У нас положительно диаметрально противоположные воззрения насчет эксплуатации вдов. Ты считаешь все это чем-то бесчестным, а я ничего бесчестного тут не нахожу. Мне кажется, что ты просто отстал. Да оно и понятно. Вот уже шесть лет, как ты живешь в провинции, а я по-прежнему в Петербурге. Петербург или провинция! А здесь, в Петербурге, общие воззрения таковы, что связь с женщиной, особенно вдовой, не считается ничем предосудительным. Ты говоришь, что я из-за выгод с ней сошелся и потому это предосудительно. Ах, боже мой! Да кто же сходится с женщиной из-за вреда себе? Наконец, ты ставишь мне в упрек, что при Анне Ивановне у меня есть еще Акулина Алексеевна и Прасковья Федоровна. Друг мой, да где же ты теперь найдешь таких идеальных мужчин, которые были бы верны одной женщине! Их очень мало, и это разве какие-нибудь уроды, которые не могут иметь успеха у женщин. Уж и

от законных-то жен погуливают на стороне, а Анна Ивановна мне не жена.

Ну, да довольно об этом. Все мы люди и человеки и во грехах рождены. Хочешь любить меня таким, как я есть, – люби, не хочешь – не надо. А перемениться на твой вкус я не могу. Ведь это значит опять в черное тело идти, а я из него только что выкарабкался и начинаю дышать как следует. Смотри на меня как на шалопая – вот и все. А бесчестного во мне ровно ничего нет.

Конечно, я виноват, что я очень много болтаю о себе в письмах. Но не могу я от тебя, которого все-таки считаю моим другом, скрыть своих успехов. Вот и сейчас чешется рука сообщить тебе кое-что о себе новое... Из агентства я ушел. Не служу больше в конторе агентства. Помилуй, не иметь даже и вечером отдыха! Днем я занят по делам Анны Ивановны, по дому, по даче, и занимайся еще вечером в агентстве! Бог с ними, с тридцатью рублями жалованья! Я теперь у Анны Ивановны получаю пятьдесят рублей в месяц за управление домом и дачей – с меня этого при всем готовом и довольно. Зато я теперь имею свободные вечера и могу бывать с Анной Ивановной в театрах, в клубах, в гостях. Недавно мы были у Утюговых. Анна Ивановна даже будет крестить там.

На сегодня довольно. Устал. Целый день пробыл в Лесном на даче Анны Ивановны. Там теперь маляры оклеивают комнаты новыми обоями, кое-что красят, и потому нужно было присмотреть за рабочими.

Пишу тебе письмо в новом шелковом халате. Ах, как приятна какая бы ни была шелковая одежда! Какое-то особое ощущение испытываешь, когда только тронешь рукой по шелку. Халат этот – подарок Анны Ивановны. Она подарила мне его в ответ на мой подарок – часы, которые я купил у Прасковьи Федоровны.

Был и у ней на днях, то есть у Прасковьи Федоровны. Теперь я и ее поверенный. Она поручила мне взыскать кой с кого по одной претензии за поставленный паркет и выдала мне доверенность. Домовладелец, а не платит. Ну, да я еще скручу. Взаялся я из-за двадцати пяти процентов. Вот тоже и это, пожалуй, считай бесчестным.

Будь здоров. Желаю всего хорошего.

Твой *Глеб*.

XVII

Милый Ипполит Иванович, здравствуй!

Вчера получил твое письмо, и опять с нотациями. Брось ты все это. Довольно. Ты при своем останешься, а я при своем. Ничего ты покуда еще не знаешь, какая такая моя связь с Анной Ивановной. Это связь прочная, и, может быть, даже она окончится законным браком. Она влюблена в меня теперь, как кошка, и я сам чувствую к ней привязанность.

Высказавшись в таком смысле, не считаю предосудительным похвастаться перед тобой, что вчера она мне за мои

усиленные труды по управлению ее домом и дачей подарила прелестные золотые часы с цепочкой. Принимая от нее эти часы, я высказал ей твои воззрения на получение ценных подарков от женщин. И она мне ответила: «Какой вздор!» Видишь, я от нее даже этого не скрываю.

Похвастаюсь тебе и еще кой-чем. Прасковья Федоровна предлагает мне заняться управлением ее паркетной фабрики, назначает жалованье в пятьдесят рублей, но я, кажется, откажусь от этого. Зачем, если мне и так живется хорошо? Я не жаден. Кроме того, подумываю и совсем прекратить к ней свои посещения. Деньги, шестьсот рублей, с домовладельца за паркет я получил, честным путем полтора ста рублей с нее заработал – с меня и довольно.

У Акулины Алексеевны тоже давно не был. Ну ее... Нет, я теперь хочу жить строгим семьянином с Анной Ивановной. Мой клад в ней, а не в Акулине Алексеевне и Прасковье Федоровне. Да и вышла стычка у Акулины Алексеевны с Прасковьей Федоровной. Акулина Алексеевна узнала, что я хожу к Прасковье Федоровне, началась ревность, и кончилось тем, что две кумушки разодрались. Теперь они даже не видятся друг с дружкой.

Покуда все. У нас начинается весна. Проглянули светлые, солнечные дни. Тает.

Ну, будь здоров. Желаю тебе всего хорошего.

Твой *Глеб*.

XVIII

Что это от тебя так давно нет письма, дружище Ипполит Иванович? Уж здоров ли ты?

А я, слава богу, здоров и ужасно потолстел, так что приходится шить новое платье, ибо мое платье, прежде сшитое, на мне еле сходится, в особенности жилеты. Я вижу, ты уже саркастически и желчно улыбаешься и бормочешь: «Как не растолстеть при спокойной жизни на даровых хлебах у богатой вдовушки!» Нет, друг Ипполит, не даровые хлеба я ем. Сегодня столько я хлопотал и ездил по городу, приторговываясь и к бутовой плите на материальных дворах, и к кирпичу, и к лесу, и к кровельному железу, что устал как собака. Ведь я с Анной Ивановной затеваю постройку каменных служб в доме на Большой Мастерской, весна на носу, и нужно заготавливать материалы. По даче тоже хлопоты. Через день туда езжу, так что уж Анна Ивановна купила мне для разездов пару лошадей, пролетку и коляску. Я убедил ее, что лошади нам необходимы. Ведь и ей придется ездить летом из Лесного в город. На извозчиков ужас что выходит, и я считаю, что свои лошади нам будут не дороже стоять.

Ах, Ипполит, какой у меня будет кабинет на даче! Я обмобилировал его лакированной мебелью в русском стиле. Стулья, столы, зеркало, все это лакированное. Кроме дивана. Диван будет на манер турецкого, мягкий, и я покрою его

хорошим кавказским ковром, который подарила мне Анна Ивановна.

Кстати. Не хочешь ли ты приехать в Петербург и заняться управлением паркетной мастерской Прасковьи Федоровны? Ведь она пятьдесят рублей в месяц предлагает и даровую квартиру, а ты теперь получаешь куда меньше. Я не хожу к ней больше, но если бы ты пожелал занять это место, то я съездил бы к ней и потому жду ответа.

А затем будь здоров.

Твой *Глеб*.

XIX

Получил твое письмо, друг Ипполит Иванович, прочитал и пожал плечами.

Чего же ты ругаешься-то, позволь тебя спросить? Я к тебе, как к задушевному приятелю, с распростертыми объятиями, предлагаю хорошее место по управлению паркетной фабрикой, а ты расточаешь по моему адресу разные оскорбительные эпитеты! Помилуй, ведь я тебя не в любовники рекомендовать задумал к Прасковье Федоровне, а управляющим ее фабрикой. Что тут такого? Очень уж ты щепетилен, Ипполит. Так трудно жить на свете.

Ну да бросим об этом. Я только предложил тебе, а не хочешь, и не надо. Не могу даже с достоверностью сказать, взяла ли бы она тебя в управляющие фабрикой, может быть,

она это место только мне предлагала. Ведь для того, чтобы и на место поступить, нужно понравиться, а ты бука, грубиян, нелюдим.

Посылаю тебе при сем мою фотографию. Посмотри-ка, какой я теперь стал. Сравни ее с фотографией, снятой два года тому назад, которая у тебя есть. У меня не только до-родства прибавилось, но даже и роста, хотя мужчины в двадцать шесть лет не растут. А все оттого, что я ласковое теллятко, вышел из черного тела благодаря своей ласковости. Кроме того, я и откровенный человек. Ты знаешь, на днях я признался Анне Ивановне, что никогда я капиталистом не был, никаких у меня денег в Государственном банке на хранении не лежит и не лежало, а ежели я встретился с ней в банке в отделении вкладов на хранение, то просто так пришел туда, из любопытства. Наврал же я ей на первых порах про свой капитал просто из ложного стыда. И что ж ты думаешь? Она не только не рассердилась за мое признание, а за мою откровенность еще больше сделалась ко мне привязанной. В тот же вечер она отправилась в Гостиный двор в голландскую лавку и заказала мне полдюжины крахмальных сорочек самого лучшего полотна. Это мне в награду за то, что я увеличил доходность ее дачи на сто рублей. Три ее домика я сдал жильцам – один на пятьдесят рублей дороже против прошлого года, а два других – каждый на двадцать пять рублей.

Покуда все. Будь здоров. Желая тебе всего хорошего в

твоей провинциальной берлоге.

Твой *Глеб*.

XX

Дорогой Ипполит Иванович, здравствуй!

Получил твое письмо. Очень рад, что агентство прибавило тебе пять рублей в месяц жалованья. Хотя для меня пять рублей в месяц были бы теперь пустяки, но тебе для твоего обихода это составляет расчет. Пожалуй, это месячная плата за квартиру. Не думаю, чтобы ты дороже платил в твоём захолустье.

Похвастаюсь и я в свою очередь перед тобой. И Анна Ивановна прибавила мне с первого числа жалованья, и уж теперь я получаю сто рублей в месяц. Вот эта прибавка так прибавка! А сделано это мне прямо за увеличение доходности её имущества. Я нашел, что та квартира управляющего, которую я занимал, мне вовсе не нужна, что я могу поселиться и в квартире самой Анны Ивановны, благо у неё есть две совершенно лишние комнаты. И вот уж я переехал к ней. Одна комната, правда, маленькая, пошла мне для спальни, а другая – для кабинета. Эти две комнаты недалеко от черного хода, так что дворники ходят ко мне за распоряжениями по дому, не мешая никому. Прежнюю же свою квартиру я сдал за тридцать пять рублей в месяц надежному жильцу-чиновнику и, таким образом, увеличил доходность дома Анны Ива-

новны на четыреста двадцать рублей в год. Да и еще увеличу. У нас маленькие квартирки ходят замечательно дешево, и цену на них смело можно увеличить.

Что ж ты мне свою фотографию-то не высылаешь? Хоть бы я Анне Ивановне тебя показал. У меня есть твой портретик, но там ты совсем еще юнец с еле пробивающейся бородой, а мне хочется показать тебя в настоящем твоём виде.

На днях переезжаем на дачу. Адрес старый. Пиши по городскому. Ведь я с дачи все равно буду приезжать в городскую квартиру почти что каждый день.

Желаю тебе всех земных благ. Жму руку.

Твой *Глеб*.

XXI

Любезному другу Ипполиту Ивановичу мой поклон, приветствие и благодарность за присыл фотографии!

Боже мой, зачем ты, Ипполит Иванович, отрастил себе такую косматую бороду? Ведь ты в ней почти старик и, кроме того, смахиваешь на какого-то купчину Пуд Пудыча. Да и прическа твоя... Кто нынче из молодых людей носит такую прическу! Ну, да еще прическа туда-сюда, а бороду остриги. Теперь бороду подстригают а-ла Гейнрих Третий, делают ее клинушкой, а волосы носят короткие.

Показывал тебя Анне Ивановне. Нашла тебя очень серьезным на вид.

Пишу тебе с дачи. Вот уже три дня, как мы переехали на дачу, но пока живем одни, без соседей. Съемщики наших домиков – люди семейные и переедут только тогда, когда у детей экзамены кончатся. Вчера занимался тем, что драпировал наши два балкона полосатым тиком. Сам драпировал, без обойщика – вот какой я хозяин. Анна Ивановна смотрела на меня и умилялась, а сегодня поехала в город и в воздаяние за мои труды купила мне прелестные золотые запонки к рукавам и к груди сорочки. Женщина, очевидно, хочет, чтобы каждый труд мой оплачивался.

А я все продолжаю толстеть, между тем это нехорошо. Я уж советовался с доктором. Доктор советует отказаться от пирогов и ездить верхом или на велосипеде. Не хочешь ли, я тебе подарю мое осеннее пальто? Сшил себе в марте, а уж теперь оно мне оказывается узко. Тебе же будет в самый раз. Пиши скорей. Тогда вышлю тебе его по железной дороге большой скоростью. Пальто почти новое.

Еще раз благодарю за фотографию и пожимаю твою честную руку. Анна Ивановна тебе кланяется.

Твой *Глеб*.

XXII

Здравствуй, строптивый друг Ипполит Иванович!

Вот уж никак не мог вообразить, что я так огорчу тебя предложением принять в дар мое пальто. Что тут такого

оскорбительного, что человек дарит своему другу пальто? А между тем ты поднял дым коромыслом. Чего-чего ты мне не наговорил! И объедки, и обглодки, и обноски, бабьи подачки... А вот и не угадал. Вовсе это не бабья подачка. Пальто сшито на мои собственные, трудом заработанные деньги. Я его сшил на те деньги, которые получил с Акулины Алексеевны за взыскание в пользу ее по векселям. Пальто стоило шестьдесят пять рублей.

Ну, да не хочешь принять от меня подарок, так Бог с тобой. Была предложена тебе честь, а теперь от убытка Бог избавил. Продам пальто портному.

Прочел твое письмо Анне Ивановне. Я от нее ничего не скрываю. Покачала головой и назвала тебя диким.

Кстати... Здесь, на даче, она выдает меня всем за племянника. Ну, что ж... Пусть буду племянник.

Толстею по-прежнему, а потому учусь ездить на велосипеде, чтобы иметь моцион. Велосипед подарила мне Анна Ивановна.

Ну, прощай, дикий друг. Желаю тебе всего хорошего.
Твой *Глеб*.

XXIII

Ну наконец-то я получил от тебя, Ипполит Иванович, письмо без упреков, без нотаций и без рассуждений, что нравственно и что безнравственно!

Здравствуй, друг любезный! Пишу к тебе с дачи, где остался на целый день, чтобы пользоваться благорастворением воздушных и изобилием плодов земных. Погода прекраснейшая. Анна Ивановна заказала сегодня к обеду щи из крапивы, раков и вареники – блюда совсем летние. Дачники на наш двор начинают уже съезжаться. Вчера переехал купец Рыбицын. Он имеет в дороге басонную фабрику. Муж, жена, два мальчика и девочка-подросток. Семейство прелестнейшее. Сегодня я был у них и получил половину денег за дачу, так как у нас условлено, чтоб жильцы платили в два срока: половину при въезде и половину к 1 июля. Мадам Рыбицына – очень бельфамистая женщина, и Анна Ивановна начинает уже меня к ней ревновать. Это, впрочем, только кстати пишу тебе, чтобы показать, как Анна Ивановна меня любит и насколько связь наша прочна. Сейчас подходила она ко мне и велела тебе написать, чтобы ты нынешним летом приехал к нам погостить. В самом деле, отчего бы тебе не приехать к нам недельки на две? Подышал бы ты чистым воздухом на даче, пображничали бы мы. У нас хорошенький сад. Перед балконом сирень и воздушный жасмин, на задах одиннадцать сосен, и под ними можно расположиться на ковре с самоваром. У дворника имеется корова, и всегда можно получить хорошее молоко. Попроси-ка ты у своих заправил отпуск, да и катни к нам, недолго думая. Помещения у нас вволю, и мы дадим тебе прекрасную отдельную комнату. Сообрази и валяй. Жду ответа.

Что тебе сказать еще о себе? Ах да. Учась ездить на велосипеде, я упал и разбил себе нос о дерево. Теперь, впрочем, подживает.

Кончаю письмо. На двор въезжают возы с мебелью вторых дачников. Надо будет выдать ключи от дома.

Будь здоров. Желаю всего хорошего.

Твой *Глеб*.

XXIV

Любезный друг Ипполит Иванович, здравствуй!

Не дождавшись от тебя ответа, пишу тебе второе письмо. В этом втором письме спешу тебе рассказать о том переполохе, который я испытал на днях и который может повториться не один раз. Надо тебе сказать, что с Прасковьей Федоровной после того, как я предлагал тебе занять у ней место управляющего паркетной фабрикой, и ты от этого места отказался, я решился расстаться навсегда. Был у ней, пображничал и стал прощаться, сообщив, что еду к себе в деревню, в Пензенскую губернию, где у меня имение, и останусь там до осени или, может быть, навсегда. Разумеется, слезы, упреки, подарок на память кольца, правда, очень неважного, хотя и с бирюзой, и просьбы писать ей из деревни. Кой-как наконец вырвался от Прасковьи Федоровны и теперь считаюсь в отъезде из Петербурга. Видел как-то раз, недели полторы тому назад, эту барыньку на улице, у Знаменья, но, что-

бы не встретиться с ней, забежал под ворота дома и скрылся на дворе. А на днях вдруг такой казус. Выхожу я перед обедом из комнаты на свой верхний балкон, с которого все видно в сад купца Рыбицына, и вдруг вижу, что в саду на скамейке сидит с женой Рыбицына – кто бы ты думал? – Прасковья Федоровна. Меня так и шарахнуло назад. Разумеется, я тотчас же скрылся в комнаты. Сейчас – за нашим дворником... Навожу справки, как такая-то попала и зачем (дворники здесь все знают), и оказывается, что Прасковья Федоровна – сестра нашего жильца Рыбицына, приехала к нему в гости еще вчера с вечера. А из сада Рыбицына в наш сад все видно. Ну, как увидит меня? Сейчас расспросы, отчего не уехал в Пензенскую губернию, ревность и все этакое... Со стороны Анны Ивановны явится тоже ревность, слезы, а пожалуй, и целый скандал. Оказался я между двух огней. А между тем обеденный стол, как назло, велел накрыть на балконе. Как на иголках, обедал я при спущенных драпировках, весь вечер никуда не выходил из комнаты. Анна Ивановна зовет меня гулять на улицу, а я боюсь из комнаты выйти, чтобы не встретиться с Прасковьей Федоровной. Сказал, что я болен, что у меня зубы болят, флюс начинается. Мне сейчас на щеку припарку. Делать нечего, сижу с припаркой. Наутро просыпаюсь, хочу ехать в город, но выглянул из окна – Прасковья Федоровна в саду сидит, и так сидит, что мне, чтобы выйти на улицу, непременно нужно мимо нее пройти. Жду час, пока уйдет в дом, жду два – нет, не уходит. А Анне

Ивановне я сказал, что флюс у меня за ночь лопнул, что я еду в город, и она надавала мне кучу поручений. Я опять за зубную боль... Схватился за щеку и застонал. Опять наворотили мне на щеку подушечку с душистыми травами. Лежу я на диване и никуда не выхожу.

И можешь ты думать, промучила меня так Прасковья Федоровна три дня! Три дня гостила она у брата и только на четвертый уехала. На этот раз все обошлось благополучно и без скандала, но ведь она явится к своему брату в гости и вторично, несколько раз в лето приедет. Может приехать внезапно, когда я сижу в саду или за воротами. Как от нее убережешься? Ах, боже мой! Вот кругом вода-то! Не сегодня, так завтра, наверное, скандал выйдет. Посоветуй, друг любезный, как мне быть?

Жду ответа. Анна Ивановна тебе кланяется.

Твой *Глеб*.

XXV

Здравствуй, друг милый Ипполит Иванович!

Получил твое письмо. Ты опять сердишься и бранишь меня. Но что же тут такого, что я приглашаю тебя к себе? Я к себе приглашаю гостить, а вовсе не к Анне Ивановне. Комнатой и столом во время твоего пребывания у меня ты, опять же, будешь пользоваться от меня, а не от Анны Ивановны. Ведь помещение и стол для себя и для своих друзей, которых

вздумалось бы мне пригласить к себе, я получаю от Анны Ивановны за свой труд, а не за что-либо другое! Какие у тебя мысли нехорошие, Ипполит Иванович! Все-то ты видишь в мрачном свете...

Вот тоже и ответ на мою просьбу дать мне совет относительно Прасковьи Федоровны... Ты пишешь мне: «Поделом вору и мука». Ай-ай-ай! Вот уж не ожидал я от тебя такого ответа! И это друг так отвечает! Грех тебе, Ипполит!

А Прасковья Федоровна опять была у своего брата и продержала меня опять взаперти целые сутки. На сей раз я сказал Анне Ивановне, что у меня болит живот и оттого я не могу выходить из комнаты. Лежал на диване и стонал. Навалили мне на живот горячего овса мешок, поили каплями, и я, несчастный, должен был слушаться и все это принимать.

Одно спасение – проделать калитку на задах и уходить из дому на другую улицу, на которую выходят наши задворки, что я завтра и велю плотнику сделать, а Анне Ивановне сообщу, что это так нужно исполнить в пожарном отношении. Одним словом, нагорожу ей черта в ступе.

Калитка на задах, впрочем, полумера, и, как я ни вертись, а Прасковья Федоровна рано или поздно меня должна встретить, ежели не прекратит свои посещения к своему брату.

Разве сообщить об Прасковье Федоровне Анне Ивановне и рассказать ей, в чем дело? Ведь эта Прасковья Федоровна – моя бывшая дама, и я тотчас же прекратил с ней все, как только увидал, что у меня явилась прочная связь с Анной

Ивановной.

Ответь, друг, посоветуй. Ведь ты умнее меня. Полно тебе козыряться-то!

Жму твою честную руку, Ипполит, и жду совета.

Твой *Глеб*.

XXVI

Получил твое письмо, друг Ипполит.

Что ж ты мне ничего не посоветовал насчет могущего произойти недоразумения между Анной Ивановной и Прасковьей Федоровной? Ай-ай, какой ты недобрый! А скандал будет, наверное будет, хотя я и проделал калитку на задах, о которой тебе писал. Эта калитка, впрочем, дает мне возможность улизнуть из дачи не замеченным Прасковьей Федоровной только тогда, когда уже я знаю, что Прасковья Федоровна приехала к Рыбицыным и сидит в саду перед балконом, но ведь я могу столкнуться с ней и внезапно. А Анна Ивановна, как назло, сближается с женой Рыбицына, и они уже обменялись визитами. Вдруг как в один прекрасный день мадам Рыбицына приведет к нам и Прасковью Федоровну?

А в остальном жизнь моя течет прекрасно. Через день езжу я на наших лошадях в город в наш дом, получаю от дворника деньги, переданные ему квартирантами, наблюдаю за постройкой (у нас уже забутили фундамент) и возвращаюсь в пять часов к обеду домой.

Что тебе сообщить еще о себе? Я начал по вечерам ездить верхом. Попытка моя научиться кататься на велосипеде не увенчалась успехом. Не дается мне эта наука! Я, как уже писал тебе, свалился с велосипеда, разбил себе нос и бросил учиться. А между тем моцион нужен (я толстею не по дням, а по часам) – и вот Анна Ивановна купила для меня верховую казачью лошадь с седлом. Верховая езда более по мне, и я почти каждый вечер объезжаю Лесной. Первые уроки верховой езды дал мне отставной казачий офицер Урываев. Это тоже жилец наш. Живет он у нас на даче со своей сестрой-вдовой и племянником, маленьким кадетом. Сдавал я дачу вдове, тщательно избегал жильцов-холостяков, а вот при вдове оказался ее брат-холостяк. Впрочем, не думаю в нем найти соперника себе. Он мужчина уже лет за сорок, а я во цвете лет, да и внимания он мало обращает на Анну Ивановну.

Покуда все. Будь здоров.

Твой *Глеб*.

XXVII

Здравствуй, друг любезный, Ипполит Иванович!

Здоров ли уж ты? Два письма писал я тебе, а от тебя ни строчки! Пишу третье письмо. Авось ты откликнешься.

Так как я тебя посвящаю во все тайны моей интимной жизни, то не могу тебе не сообщить и о том, что Анне Ивановне я вчера признался о моей бывшей связи с Праско-

вщей Федоровной и просил у Анны Ивановны защиты на случай, если бы Прасковья Федоровна устроила мне какой-либо скандал. Я ожидал со стороны Анны Ивановны взрыва негодования, но она приняла мое признание сравнительно равнодушно и только пожурила меня и взяла слово в дальнейшей верности. Бесспорно, что все это случилось оттого, что я очень ловко ввернул ей в признание следующую фразу: «Как только я заметил, моя дорогая, что моя с вами связь не мимолетна, как только я увидел, что мы созданы друг для друга, я покончил навсегда с моими шалостями, с моим прошлым и стал принадлежать только вам одной, всецело вам...» От этой тирады она даже слегка прослезилась. В конце концов я просил Анну Ивановну, чтобы она не принимала к себе Рыбицыных и сама не ходила туда, на что она и дала мне слово.

Как гора с плеч у меня теперь...

А отставной казачий офицер Урываев оказался прекрасный человек, только много водки пьет, хотя пьян не бывает. Он ходит к нам с сестрой. Вчера подарил Анне Ивановне прелестный кусок соленой севрюжины, которую он получил с Дона. Иногда мы играем в винт: я, Анна Ивановна, Урываев и его сестра. Завтра я и Анна Ивановна будем обедать у сестры Урываева, и он обещался состряпать нам какие-то особенные походные битки. Мясо рубится шашкой на лафетном колесе, а так как лафетного колеса у него нет, то он будет рубить хоть и шашкой, но на чугунном утюге. Посмотрим, что это за битки такие.

Будь здоров. Желаю всего хорошего.

Твой *Глеб*.

XXVIII

Любезный Ипполит Иванович, здравствуй!

Большое тебе спасибо за твое письмо. Душевно радуюсь, что начальство твое поощрило тебя квартирой от общества и что ты будешь теперь жить в доме агентства с окнами на Волгу. Ах, а я, несчастный, живу в комнате с окнами, выходящими в сад купца Рыбицына, и сегодня под вечер только подошел к одному из этих окон и выглянул из него, как глаз с глазом встретился с Прасковьей Федоровной, которая была у Рыбицыных и шлялась по саду.

– Глеб Иванович! Да вы ли это? – воскликнула она во все горло.

Я отскочил от окна и спрятался в комнате, но она продолжала кричать меня по имени, и пришлось опять выглянуть в окно и поклониться.

– Чего вы прячетесь-то от ваших знакомых?! – заорала она. – Когда из деревни приехали?

– Давно приехал... Или нет... Недавно... У меня мать умерла... – отвечал я, путаясь.

– Да ведь мать ваша умерла два года тому назад. Сами же вы мне рассказывали.

И действительно, я вспомнил, что давно уже рассказывал

ей о смерти матери.

– Я здесь у тетки живу. Я здесь племянник... А это дача моей тетки, – бормотал я.

– Ах, вы-то, стало быть, тот племянник и есть, о котором здесь на даче так много рассказывают! Прекрасно, прекрасно, надо чести приписать. А я вот к брату езжу. Несколько раз уже здесь была, но странно, что не встречала вас до сих пор. Что ж вы как истукан стоите? Сходите вниз поговорить. Ведь мы старые знакомые.

Я сошел бы вниз, переговорил бы с Прасковьей Федоровной и уверен, что все кончилось бы без скандала, если бы не вмешалась Анна Ивановна. Заслышав нашу переключку, она сбежала с балкона нашей дачи, на котором сидела, подскочила к решетке и закричала Прасковье Федоровне с пеной у рта:

– А вам здесь что нужно? Что вы кричите на весь двор и лезете к молодому человеку?!

– Я лезу? Да что вы врете-то! Как же я могу к нему лезть, ежели я в саду моего брата?

– Пожалуйста, пожалуйста... Нечего мне зубы-то заговаривать! Я хорошо понимаю, в чем тут дело. Уходите прочь от решетки!

– Я прочь? С какой же стати? Не ты ли запретишь?

– А хоть бы и я! Я здесь хозяйка.

– О?? Мой брат снял под себя эту дачу, так мы и хозяйева дачи. Вишь, еще какая выискалась! Пошла сама прочь!

– Что? Я прочь? Да как ты мне смеешь тыкать, нахальная ты баба! Ты зубы-то прежде черные отчисти.

– Молчи, крашенная выдра!

Ну и пошла писать губерния. Такая перебранка началась через забор, что ужас! С улицы у решетки стала останавливаться публика. Выбежал из дачи купец Рыбицын и стал оттащить от решетки Прасковью Федоровну, сбежал я сверху и стал уговаривать Анну Ивановну успокоиться. Анну Ивановну втащил я на балкон. С ней сделалась истерика. Валерьяновы капли... зельтерская вода, нашатырный спирт...

Только к ужину успокоилась она, но ужинать не стала, ушла к себе в спальню и заперлась. Ужинал я один.

Теперь после ужина пишу тебе это письмо. От кухарки нашей удалось узнать, что Прасковья Федоровна уехала в город.

Будь здоров.

Твой *Глеб*.

XXIX

Друг Ипполит Иванович, здравствуй!

Позволь тебе сделать упрек. Ужасно обижаешь ты меня своими письмами. Во-первых, ты отвечаешь мне как-то нехотя и на два-три письма сразу, как будто для того, чтобы только отвязаться, а во-вторых, и самый тон твоих писем какой-то пренебрежительный, насмешливый по отношению

ко мне. У тебя мое содержанство-то, очевидно, все в голове. Но какое же тут содержанство, помилуй, если у меня с Анной Ивановной прочная незыблемая связь, которая наверное осенью кончится законным браком! Мы живем совершенно как муж и жена, Анна Ивановна хоть и называет меня своим племянником, а я ее – «ма тант», но никто этому не верит. Жалованье за свой труд я получаю теперь, правда, больше, чем в подобных случаях платится за труд, но ведь муж от жены может брать и больше этого за свой труд, а я себя и Анну Ивановну считаю так, что мы все равно что муж и жена, нужды нет, что мы не венчаны.

Пожалуйста, друже, не пиши мне таким тоном. Хоть за мою искренность меня пощади. Я тебе как другу сообщаю все малейшие детали моей семейной жизни, как хорошие, так и дурные, но ведь дурное я мог бы и скрывать, мог выставлять себя только в хорошем свете, а я этого не желаю, не хочу ставить себя на пьедестал, хочу, чтобы ты все знал про меня.

Вот и сейчас сообщу тебе то, чего бы и другому никогда не написал. Анна Ивановна на меня дуется. Прошло пять дней, а она все еще дуется. Дабы примириться с ней, ласкаю ее мопсов и болонок, кормлю их сахаром, но и это не помогает. Вчера в пику мне пригласила к себе казака Урываева и целый вечер проиграла с ним в дураки по двугривенному. Ну, да ладно: подуется, подуется и обойдется.

Прасковья Федоровна после скандала у Рыбицыных так

и не показывалась. Рыбицныны почему-то перестали с нами кланяться.

При сем посылаю тебе еще мою фотографию – верхом на лошади. Это снимал меня наш здешний дачный фотограф.

Будь здоров, Ипполит Иванович. Желая тебе всего хорошего.

Твой *Глеб*.

XXX

Здравствуй, милый и добрый Ипполит Иванович.

Получил твое письмо. Ты все еще не унимаешься со своими нотациями, но, право, я их терплю от тебя напрасно. Вот и сегодня ты пишешь о разнице лет моих и Анны Ивановны и называешь мою с ней связь и даже будущий наш законный брак самопродажей с моей стороны. Кто сказал тебе о громадной разнице наших лет? Разница пустая. Ну, десять лет каких-нибудь, не больше. Больше как на десять лет Анна Ивановна никак не старше меня. К тому же она женщина вполне сохранившаяся. Есть у ней недостаток, что она употребляет на себя много косметиков, но я не знаю, для чего она это делает. Мне кажется, что это мода нынче какая-то. Молоденькие и хорошенькие девушки, не говоря уже о молодых дамах, – и те нынче подкрашивают и подводят глаза. Это я теперь наблюдаю повсюду у нас в Лесном. А уж к розовой пудре так положительно все прибегают. И знаешь что?

Я имел даже мужество как-то раз упрекнуть Анну Ивановну насчет подкрашиваний, и она теперь красится меньше.

И отчего ты не хочешь верить, что я искренно люблю Анну Ивановну? Я не влюблен в нее безумно, не пылаю к ней такой страстью, как в романах описывают, но люблю ее как добрую женщину, которая, как хочешь, все-таки вырвала меня из моей будничной колеи и поставила на ноги. Благодарность и привычка – вот моя любовь.

Ну, мы примирились. Дулась она на меня целую неделю и наконец преложила свой гнев на милость.

А знаешь, как я это сделал? Возбудил в ней ревность. Познакомился с дочкой аптекаря, который живет по соседству от нас, премиленькой жидовочкой, и стал слегка ухаживать за ней, подарил ей грошовый букет из пионов и ландышей. Потом раз уехал из Лесного в город, да там и остался ночевать в зимней квартире.

Наутро, когда я вернулся на дачу, бурная сцена, а затем и примирение. Нет, не надо очень уж ухаживать за женщинами, теперь я это вижу. Чем больше ухаживаешь и ластишься к ним, когда они дуются, тем хуже. Надо показывать такой вид, что и ты что-нибудь да значишь.

Результатом нашего примирения было то, что Анна Ивановна подарила мне свой золотой браслет с надписью «Бог тебя храни», надела его мне на руку и просила постоянно носить. Ношу тем более охотно, что браслет массивный, хороший.

А отчего очень уж дулась на меня Анна Ивановна, я узнал. Прасковья Федоровна прислала ей письмо, в котором ругательски ругала меня и ее. Меня как изменника, ее как разлучницу. В письме рассказала, где и когда я с ней познакомился. Вот Анна Ивановна долго и не могла простить мне то, что я познакомился как с ней, так и с Прасковьей Федоровной в одно и то же время, между тем как Анну Ивановну я уверял, что Прасковья Федоровна – моя стародавняя любовь.

Ну да что тут! Все теперь обошлось, все теперь идет по-старому и как по маслу. Прасковья Федоровна была как-то раз у Рыбицыных, но вела себя скромно и в наш сад даже и не глядела. Анна Ивановна было вспылила, хотела бежать к Рыбицыным и выцарапать ей глаза, но я сумел удержать ее, растолковав всю безрассудность ее поступка.

Не нравится мне только, что этот казачий офицер Урываев зачастил к нам ходить. Приходит и играет с Анной Ивановной в дураки по двугривенному. А у нас, как на грех, начались дожди, и с Анной Ивановной ни на какое гулянье из-за этих дождей по вечерам выехать невозможно.

Ну, будь здоров. Желаю тебе всего хорошего.
Твой *Глеб*.

XXXI

Здравствуй, друже Ипполит Иванович!

Сообщаю тебе о новом скандале. Вчера сидим мы с Анной Ивановной за калиткой нашей дачи на скамеечке, я торгую у разносчика раков для ужина – вдруг как из земли вырастает перед нами... Кто бы ты думал? Прасковья Федоровна? Нет, моя малоохтинская вдова Акулина Алексеевна. В бархатном пальто, в ковровом платке на голове и прямо начинает отчитывать меня, что пил у ней, ел, занял денег и покинул ее, сироту. Честное слово, денег я у ней никаких не занимал, а уплатила она мне только известный процент за взыскание по вексялям. Шубу же енотовую, кажется, просто подарила. И шубу ведь приплела, подлая. Я сначала слушал, а потом убежал в сад. У Анны Ивановны опять сделалась истерика. Ее увели из-за калитки горничная и кухарка. А Акулина продолжала голосить, и кончилось тем, что ее пришлось отгонять от нашей дачи дворнику. Скандал этот видели Рыбицыны. Мадам Рыбицына даже аплодировала во время скандала. Теперь она при встрече со мной и с Анной Ивановной насмешливо улыбается.

Анна Ивановна опять на меня дуется, хоть я и распинался перед ней, что не мог же я, молодой человек, жить вовсе без связи. Ну да я опять примусь за старый маневр, чтобы сократить ее, опять поднесу букет жидовочке. А сейчас еду в город и останусь там ночевать.

Полагаю, что адрес мой Акулине Алексеевне сообщила кума ее Прасковья Федоровна, иначе как бы ей узнать, где я живу!

Все. Желаю всего хорошего.

Твой *Глеб*.

XXXII

Здравствуй, друг любезный Ипполит Иванович!

Сегодня должен тебе сообщить о плохих делах. Решительно не понимаю, что делается с моей Анной Ивановной. Представь себе, до сих пор дуется. Пробовал ревность возбудить, стал приударять за жидовочкой – ноль внимания, а наутро мне такие слова: «Отчего бы вам совсем не переехать к этому жиду Мордухаю Мордухаичу и не сидеть обнявшись с его Ривкой?» Сначала-то я подумал, что это она из ревности так говорит. Ну, думаю, поддается, выполню вторую половину маневра и уеду суток на двое в город. Уехал. Живу сутки. Вот-вот, думаю, приедет сейчас за мной с дачи и возьмет меня с собой – не тут-то было! Еду сам обратно на дачу на вторые сутки к вечеру. Приезжаю, а ее и дома нет. «Где Анна Ивановна?» – спрашиваю. Отвечают: «С господином Урываевым в „Аркадию“ в театр поехали». Это то есть с казаком. Часу в первом ночи приезжает. Бегу к ней объясниться – запирается в спальне на ключ.

Сегодня утром за чаем стал ей рассказывать о постройке – «да» и «нет» и больше ничего. Ударился в ревность и стал выговаривать насчет Урываева – встала из-за стола и ушла к себе в спальню. Я за ней – заперлась на ключ и к завтраку

не вышла.

«Ну, – думаю, – надо попросить прощения у ней. Ведь в самом деле я виноват». Сошлись за обедом, и стал я просить, чтоб она преложила гнев на милость. «Ах, оставьте, пожалуйста», – вот и все.

Теперь вечер. Пишу тебе это письмо, а у Анны Ивановны сидит казак Урываев и играет с ней в дураки. Вот пустил на дачу жильца-соперника!

Нехорошо себя чувствую, нехорошо. Так я сжился с Анной Ивановной, и вдруг...

Будь здоров, Ипполит Иванович.

Твой *Глеб*.

XXXIII

Любезный Ипполит Иванович, здравствуй!

Сегодня получил твое письмо. Ты смеешься надо мной... Смейся, смейся, стою я посмеяния. Дурак я, большой дурак, олух. Кажется, потерял я Анну Ивановну. Дуться она перестала, но на такой ноге себя со мной держит, как будто бы я в самом деле только управляющий ее домом и больше ничего.

На днях, дабы возвратить ее расположение к себе, купил я десять горшков роз в цвету и уставил ими балкон. А розы она очень любит. Вышла на балкон, улыбнулась, понюхала несколько горшков и спрашивает меня, что эти розы стоят.

– Это, – говорю, – от меня вам в подарок.

Отвечает:

– Не желаю я от вас принимать подарки.

– Однако, – говорю, – я же принимал от вас подарки.

Говорит:

– Я вам дарила как своему управляющему.

Указываю ей на браслет на моей руке и говорю:

– Таких подарков управляющим не дарят.

Получаю ответ:

– Ну, это было, и теперь прошло. А теперь, ежели вы не хотите вконец поссориться со мной, то возьмите деньги за розы.

Пожал плечами и взял с нее семь с полтиной.

А казак Урываев вот уже третий день как сиднем сидит у ней.

И с чего взбеленилась баба – понять не могу!

А управляющим ее домом я все-таки состою и каждый день езжу в город, чтобы присмотреть за постройкой.

Пиши, Ипполит, хоть смейся надо мной в письмах, но пиши. Теперь у меня только и утехи, что твои письма. Жму твою руку.

Твой *Глеб*.

XXXIV

Здравствуй, добрый друг Ипполит Иванович.

Сообщаю тебе, как постепенно закатывается моя звезда.

Вчера, вернувшись из города и пообедав, приказываю кучеру Анны Ивановны оседлать мою казачью лошадь, чтобы прокатиться по островам, и вдруг получаю ответ, что Анна Ивановна мою лошадь продала. Меня даже в жар ударило. «Кому? Когда?» – спрашиваю. Оказывается, что продала накануне Ивану Ивановичу Урываеву.

Так я без прогулки и остался. Вот тебе и моцион! Вот тебе и убавление веса! Впрочем, я и так теперь худею от неприятностей, которые повторяются теперь буквально каждый день.

Вот и сегодня. Анна Ивановна не удовольствовалась тем, что отняла у меня дареное, – ведь казацкая-то лошадь была мне подарена, – а пошла еще дальше. Сегодня первое число. Вышел я утром пить чай раньше ее. Она еще спала. Наконец выходит и она и выносит мне жалованье управляющего. Я принял деньги, не считая, сунул их в карман, напился чаю и кофею и, только придя к себе в комнату, стал считать деньги. Гляжу – всего только семьдесят пять рублей, а раньше я получал сто пятьдесят, аккуратно вдвое. Я к ней... Так и так, говорю... Отвечает:

– Обстоятельства теперь изменились, и больше этого я вам платить не могу. Тут пятьдесят рублей за управление домом и двадцать пять рублей за присмотр за постройкой, а когда постройка окончится, то будете получать только пятьдесят рублей.

Говорит серьезно и глазом не моргнет. Я было бросился

к ней:

– Анета... – говорю, – неужели вы?..

Отстранила меня рукой и отвечает:

– Ах, оставьте, пожалуйста... Ежели вам этого мало, то управлять домом Иван Иванович Урываев сейчас с удовольствием за эти деньги возьмется.

Пришлось сократиться. Что ж, и за семьдесят пять рублей на всем готовом будем трудиться.

Вот, Ипполит, теперь уж я в твоих глазах должен быть вне всякого упрека.

Но все-таки, каково коварство с ее стороны! Ах, бабы, бабы! Мы, мужчины, бываем иногда хороши, но каковы вы-то! Вы всегда нас перещеголяете!

Смело пожимаю твою честную руку и гляжу тебе прямо в глаза. Теперь я чист. Будем трудиться.

А затем желаю тебе всего хорошего.

Твой *Глеб*.

XXXV

Дорогой и милый Ипполит Иванович, здравствуй!

Берусь за перо, чтобы сообщить тебе, до какого комизма доходит мое разжалование Анной Ивановной.

Сегодня утром я поехал с дачи в город присмотреть за постройкой и получить с жильцов дома деньги за квартиры. Возвращаюсь домой, вхожу к себе в кабинет и вдруг вижу,

что моей лакированной мебели в русском стиле нет (четыре стула, два кресла, диван, зеркало и столик), а вместо нее стоят простые буковые стулья. Спрашиваю горничную: отчего такая перемена? Отвечает: «А лакированную мебель Анна Ивановна Ивану Иванычу подарила. Сегодня он именинник».

Признаюсь, уж этого-то я от нее не ожидал!

Позвали обедать, но я не пошел вниз к столу, чтобы не встретиться с Анной Ивановной, а сказал горничной, что мне нездоровится, и просил подать мне чего-нибудь поесть наверх.

Захватить завтра с собой в город велосипед, который когда-то мне Анна Ивановна подарила, и продать его, а то, чего доброго, она сама продаст его.

Больше не о чем писать. Погода у нас стоит прескверная, холодная, дождливая. У меня ноет зуб и, кажется, начинается флюс. Щека припухла.

Жму руку.

Твой *Глеб*.

XXXVI

Драгоценный и добрый друг Ипполит Иванович, здравствуй!

Писал тебе вчера, пишу и сегодня. Не могу воздержаться, чтобы не сообщить тебе о выходящем из ряда вон возмути-

тельном факте. Ты помнишь, я писал тебе, что Анна Ивановна подарила мне велосипед, что я начал учиться ездить на нем, но научиться не мог, ссадил себе лицо о дерево и бросил. Ввиду того, что велосипед мой стоит без употребления, я решил его продать. Сегодня утром, отправляясь в город, я решил и велосипед захватить с собою, отвезти его в городскую квартиру и поручить дворнику его продаже. Прекрасно. Зашел за велосипедом в экипажный сарай и что же вдруг узнаю? Анна Ивановна уже продала его какому-то гимназисту, которого рекомендовал ей Урываев.

Каково это тебе покажется! Не правда ли, что все это более чем возмутительно? Сначала подарить вещь, а потом продать ее, не спросясь у того лица, кому она подарена! Странно, дико, нагло. После этого и мне следует продать те каминные часы, которые я подарил Анне Ивановне, купив их у Прасковьи Федоровны, что я и сделаю. Пускай будет невестке на отместку.

Сегодня вечером вниз из своего мезонина не сходил ни к чаю, ни к обеду. Не желаю встречаться с Анной Ивановной. Чувствую, что из-за этого велосипеда наговорю ей дерзостей.

Будь здоров, а надо мной не смейся, а пожалей меня.
Твой *Глеб*.

XXXVII

Здравствуй, милый и добрый Ипполит Иванович!

Судьба так решила, что в каждом письме я должен сообщать тебе о возмутительных вещах. Вот и сегодня. Знаешь, я получил от Анны Ивановны выговор. День сегодня прекрасный, жаркий, чисто тропический. Благорастворение воздуха полное, цветы благоухают, птички поют, и порешил я в город на постройку не ехать, а провести день на лоне природы, что и сделал. Утром ходил в Лесной парк, позавтракал в скверненьком ресторанчике яичницей и вернулся домой, к себе в мезонин. Вдруг входит Анна Ивановна и дает мне выговор, что я не поехал в город на постройку. «Так, – говорит, – управляющие не делают. Или заниматься делами, или уж вовсе отказаться от места – вот что я вам советую», – проговорила она, круто повернулась и вышла из кабинета, прежде чем я успел ей что-нибудь ответить.

О, это происки казака Урываева, я сейчас вижу!

Разумеется, я тотчас же оделся и поехал в город, в наш дом, откуда и пишу тебе это письмо. Проживу здесь несколько дней, а потом только по вечерам на ночлег буду ездить на дачу, а на целые дни оставаться только по праздникам.

Вот в каких я теперь тисках живу. А все проклятая малоохтинская вдова Акулина Алексеевна, чтоб ей ни дна ни покрышки! Она мне заварила эту кашу. После ее скандального

визита к нам на дачу начали сыпаться на меня все эти невзгоды. Попадись она мне теперь! Отчитаю я ее как следует!

Жму руку.

Твой *Глеб*.

XXXVIII

Четвертый день живу я в городской квартире, друже Ипполите! Здравствуй!

Не могу удержаться, чтоб не сообщить тебе о курьезном факте. Два дня я горел таким нетерпением отчитать малоохтинскую вдову Акулину, что не утерпел и поехал сам к ней на Охту. Приехал и застал дома. Хотел ей выговаривать, но она с такою радостью бросилась ко мне на шею, так заплакала, что у меня и язык прилип к гортани. Признаюсь, я и сам расчувствовался. Вот уже около месяца, как я вижу только дутое лицо Анны Ивановны, терплю от нее неприятности, получаю выговоры, а тут женщина встречает меня с распростертыми объятиями. Я был тронут. Кончилось тем, что на столе появилась закуска, закипел самовар, появились наливки всех сортов, и в полном благодушии просидел я у Акулины чуть не до утра.

И что за радушная женщина! Не знала, чем и угодить. Домой мне навязала и колобок сливочного масла своего изделия (у ней две коровы, и она торгует молоком), и свежих яиц корзиночку, и бутылку наливки, и целую четверть молока.

Насилу довез я к себе на Большую Мастерскую всю эту провизию!

С Акулиной у меня теперь полное примирение. Разумеется, мы с ней здорово клюкнули, я ей рассказал все, все и не жалею, ибо это вполне достойная женщина.

Пишу тебе это письмо, а у самого башка так и трещит после вчерашнего. Отпиваюсь молоком, которое привез вчера от Акулины. Кончу и думаю проехаться куда-нибудь на острова, подышать воздухом.

Будь здоров.

Твой *Глеб*.

XXXIX

Вот как я зачастил к тебе письмами, друг любезный Ипполит! Третье письмо на одной неделе. Это письмо посылаю уже с дачи.

Что за коварная женщина эта Анна Ивановна! Представь, она подарила те каминные часы, которые я ей подарил, казак Урываеву. Сегодня я стал искать эти часы в городской квартире, чтобы продать их назло ей, в отместку за ее продажу подаренного мне велосипеда, но часов не нашел. Спрашиваю о них старшего дворника, охраняющего нашу квартиру, – отвечает, что часы эти Анна Ивановна увезла на дачу. А на даче часов нет. Сегодня, вернувшись из города, я прохожу мимо открытых окон дачи Урываева и вдруг вижу,

что эти часы стоят у него на столе. Черт знает, что такое! Это уж из рук вон. Какова женщина!

Но нет, я ей чем-нибудь другим отомщу! И ей, и ему, то есть Урываеву. Представь себе, этот казак разговаривает со мной уже свысока, подает мне вместо руки два пальца и сообщил мне сегодня, что приедет в дом проверить, так ли у меня все идет хорошо на постройке, как я рассказываю. А Анна Ивановна сидит и поддакивает: «Да, да, покажите завтра Ивану Ивановичу все до мельчайших подробностей. Пусть он посмотрит. Ум хорошо, а два лучше».

Останусь завтра ночевать в городе и закачусь вечером к Акулине на Охту. Надо отдохнуть душой и сердцем, а то так тяжело, так тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.